

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
КТК 610
К 14

Казаков В.

К 14 Воскрешение на Патриарших : [роман, рассказы]. — М. : Флюид ФриФлай, 2019. — 256 с. — (Книжная полка Вадима Левенталья).

В руках у главного героя романа оказывается рукопись небольшой повести о Москве семидесятых. В персонажах повести герой с удивлением узнает друзей своей юности — он понимает, что никто посторонний не мог в таких подробностях описать его собственную бесшабашную молодость. Разгадка требует ответа, но сам ответ, возможно, вызовет еще больше вопросов...

ISBN 978-5-906827-29-6

© В. Казаков, 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019
© П. Лосев, оформление, 2019

**Воскрешение
на Патриарших**

ПЕРВАЯ ГЛАВА

— Вчера был странный день: сначала я проехала в метро. Машина в сервисе. Ко мне подсел очень интересный мужчина, наклонился к уху и сказал: «Можно я тебя дерну за косичку?» Ты меня слушаешь?

— Конечно, Жень, — ответил Игорь, зажал плечом трубку и попытался достать сигарету. — Слушаю, слушаю.

— Ну вот, он и говорит, а что такого, он, мол, преподаватель консерватории и у него хорошее настроение. А я ему ответила, что если он сейчас это сделает, я его укушу! Потом дочь призналась, что хочет выдать меня замуж за мужчину с ребенком ее возраста, потому что ей скучно. Потом бывший муж предложил опять выйти за него замуж. Представляешь?! Потом друг моей подруги часа три изливал душу по телефону и буквально заставил, чтобы я тоже открыла бутылку вина. И выпивала с ним по телефону. Для лучшего понимания. Потом он прислал очень интересный текст.

— Да просто жуть, — Игорь наконец прикурил и сел в кресло. — Что за текст?

— Да это не важно! Интересный. Может, мне правда выйти замуж еще раз?

— За друга подруги?

— За преподавателя консерватории! Ты чего там, совсем?! За мужа бывшего!

— Понимаешь ли, Женьк, если ты выйдешь замуж за собственного бывшего мужа, то твоей дочке по-прежнему будет скучно, потому что ребенок ее возраста — это она и есть.

— Да?! Ну да. Чет я не доперла. Ай, да ладно. Собственно, чего я звоню: этот друг, ну Митька, хочет, чтобы ты почитал текст.

— Нафига? Не, Жень, ну его. Я так спросил.

— Там роман. Я полистала, интересно.

— Тем более роман. Зачем мне дурь всякую читать? Женя радостно захихикала:

— Точно, дурь — прям из дурки! Митька — врач, психиатром устроился в дурку. В семнадцатую. Наркологическую на Варшавке, знаешь?

— Слышал. У меня там приятелей провалялось — полк, не меньше. Ну и что твой Митька написал нового из жизни алкашей?

— Да это не он написал. Он там всего два месяца работает. Принимал отделение, то-се. И рукопись эту нашел, из алкоголического творчества. Там здорово — я сама местами зачиталась. Ну, слать тебе? Он очень просил меня тебе подсунуть. Ты же в этом сечешь.

— В алкоголиках или рукописях?

— Да какая разница! Ой, слушай, подруга только что в аське написала: одна девушка просыпается в три часа ночи в студенческом общежитии от дикого смеха. Она идет в комнату напротив, откуда и раздается смех. Заходит и видит, что на полу сидит сокурсница и хохочет, на кровати под одеялом прячется молодой человек. Девушка спрашивает: «— Вера, что случилось? — Представляешь, трахаюсь с этим чудиком и спрашиваю: ты кончаешь? А он мне говорит: — Нет, я еще только на первом курсе». Смешно, правда? На первом курсе... все, посылаю текст и убегаю. Чмоки!

На экране ноутбука, стоявшего на журнальном столике, тренькнув, замигал конвертик. Игорь кинул трубку на кровать и, елозя задом, начал двигать кресло к столику. Можно было встать и подвинуть, но тогда надо тащить и пепельницу, а это сильно ломает. Лень. А можно дотянуться и наоборот, подвинуть столик к креслу...

Игорь наконец закончил сложные телодвижения, выдохнул, почему-то утомившись этим дурацким процессом. Подвел стрелку курсора к конвертику. В прихожей заблеял домофон. Придется все-таки встать!

— Ну...

— Надевай штаны. И мы шагнем шире, чем Монголия. Я внизу!

Навязчиво бодрый голос его приятеля Николаши совершенно не подразумевал иной трактовки действий. Игорь и сам это прекрасно понимал, поэтому,

не ответив, поплелся надевать штаны и прочую походно-разгулянную дребедень типа майки, кроссовок.

Если Николаше отказать, он ввалится в квартиру и пьянка вспыхнет здесь, у него. А это совершенно ни к чему. Что пьянка неминуема, как лошадь Пржевальского, это было ну совершенно понятно. Пока Игорь спустился в лифте, у него шмыгнула мысль: при чем здесь лошадь Пржевальского?! Наверное, при том же, при чем у Николаши — Монголия.

Шагнув из подъезда в сладкую вату послеобеденной жары, Игорь сразу же уткнулся в притоптывающего на самом солнцепеке Николашу.

— Сколько можно ждать?! Я тут... а ты... там... — круглое, немного веснушчатое лицо приятеля обидчиво плавило гуттаперчевой маской. — С утра терплю, а ты...

Он подрагивающей потной рукой раскрыл слипшийся пластиковый пакет. Там как-то погибше и жалостно, в тон Николашиного настроения, терлись боками две бутылки дешевенького вискаря «Белая лошадь». Игоря тоскливо передернуло:

— Эх...

И друзья обреченно зашагали в сторону парка, где липы, здоровенные лиственницы, тень, пруды с дежурными грязноватыми утками и демисезонными рыбаками. И вообще воля.

Николай Рябушинский, или, как его звали все, Николаша, был оболтусом в полном расцвете сил. Лет пять назад у него удачно вышла книжка, что-то из научной фантастики а-ля Стругацкие. После чего он похерил

журналистику. «Именно похерил, а не бросил», — всегда нравоучительно, для верности почему-то загибая указательный палец, говорил он. И стал строчить романы. За эти годы он умудрился написать штук десять. И из жизни ацтеков, викингов, инопланетных вампиров, и еще черт знает что.

Самое забавное, что этот бред регулярно печатали. Что позволило Николаше в третий раз жениться и регулярно нажираться до комариного писка.

Друзья были знакомы лет пятнадцать, еще по совместной работе в одном издании, поэтому Игорь не без напряжения, но довольно понимающе относился к Николашиным заскокам.

— Стоп, стоп, стоп, — выдохнул Николаша шагов через пятнадцать. — Товарисч! Я вахту не в силах стоять...

— Сказал кочегар кочегару? — ухмыльнулся Игорь. — Хрен с тобой, жри здесь!

Николаша жалобно прижался к раскаленной кирпичной стене дома, порылся в пакете, дрожа, сорвал пробку с бутылки вискаря и шумно глотнул. Игорь отвернулся:

— Жуть-то какая...

Рябушинский хотел протереть нос рукавом, занюхивая, но промахнулся, поэтому тупо заелозил джинсовкой по подбородку. Обнажилась волосатая Николашина рука. На ней шариковой ручкой было что-то написано. От пота чернила текли, и разобрать было сложно.

— Это что еще? — ухмыльнулся Игорь, повернувшись наконец к другу.

Николаша удивленно проследил за его взглядом. Задрал еще раз рукав. Расплывшаяся сизая загогулина от запястья почти до плеча гласила: «Опыт сын ошибок трудных».

Игорь непроизвольно хрюкнул от смеха. На сморщенной от солнца стене вздрогнули полусонные мухи. Игорь смотрел на растерянное лицо Николаши, изучающего надпись, и уже хохотал в полный голос. Рябушинский обреченно вздохнул, мотнул головой и глотнул из горлышка еще:

— Не вздумай спросить, откуда это на мне. Не знаю! Давай активней, на твой чертов пруд, в тенек, пока я хоть ковыляю. Все. Во-он до той пихты и все.

Приятели бухнулись под дерево. Рябушинский немедленно свернул голову вискарю и жадно забулькал.

— Опять запой, что ли... — Игорь по возможности аккуратно вырвал из пальцев приятеля теплую бутылку и вдохнул пару глотков вони в желудок. Жидкость внутри тела съежилась, а потом резко выпрямилась. Он закашлялся.

— Ну да. Со среды как фантик. А сегодня у нас что? Пятница вроде, — Николаша прислонил голову к дереву. — Но не просто сю-сю-сю! По делу запой! Знаешь, только на днях узнал. И буквально остолбенел. Просто голова кругом идет...

Игорь глотнул чуть еще. На этот раз жидкость не стала вставать в позу, так, пометалась для приличия в организме и затихла.

— Что случилось-то?

— Представь. Сижу спокойно, строчу про отважных звездолетчиков. С утра пол-листа наваял, нет, даже больше, тысяч тридцать знаков, думаю, такими темпами за пару недель закончу все к едреней фене, передохнуть решил, включил радио, налил чаю. Слышишь, ча-ю! Именно! А там и говорят вдруг по радио: «Наступившее глобальное потепление катастрофически уменьшит размеры животных». Всех! Ка-та-стро-фичес-ки! Там как-то изменяется объем жидкости в организме... Короче, если так пойдет, то скоро слонов можно будет, как в старых фильмах, ставить в рядок на шкафу. Только не фарфоровых, а живых. Представляешь? А во что же тогда превратятся хомяки или птицы колибри? Ну я, конечно, в магазин. Дома давно не держу, ну, когда работаю, во избежание... Ну и пошло-поехало. И вот я тут...

И без малейшего признака улыбки, с реально скрюченным от горя лицом, полулежащий Николаша обреченно махнул рукой вдоль тела, визуальнo демонстрируя «и вот я тут...». И выхватил бутылку у обалдевшего Игоря.

Дальше встреча друзей продолжалась по устоявшимся веками принципам неожиданной бессмыслицы. С накатом, налетом, надломом пьянка ширилась, заполняя весь парк легким дыханием сиюминутного раздолбайства, взлетала далеко-далеко в небесную высь, иногда шмякаясь лицом в жухлую и горячую от солнца траву. Потом Рябушинский во время очередного похода в магазин исчез, а Игорь пополз домой.

«Что-то мало стал гулять по городу, — думал он, через силу перебирая ногами. — Почему? Раньше только и делал, что гулял. Может, из-за отторжения новой Москвы, изуродованной до кариеса. А может, из-за отсутствия идеи. Это в юности можно безыдейно шляться, даже не задумываясь, куда и зачем. Возраст дает никому не нужную осмысленность. Причем все равно продолжаешь шататься не пойми с кем и непонятно зачем, с тем же Николашей, только делаешь это уже осознанно. И ужасаешься этому. А вообще, в поисках себя последнее время предпочитаю не ходить, а ездить. В троллейбусах, трамваях и на такси. Странно. Идея прогулки трансформируется в движение. Движешься и смотришь по сторонам. Вот тебе и сверхзадача».

На автомате Игорь поднялся по крыльцу в подъезде, набрал код, вошел, вызвал лифт. С трудом открыв дверь в квартиру, он дополз до кресла и рухнул в него. Через секунду он спал.

Ему снился странный сон, иногда заставлявший его гулко вздрагивать. Отчего сидевший рядом кот тоже вздрагивал и недоуменно поднимал голову.

В этом сне Игорь ехал на заднем сиденье десятки «Лада» и водила лет тридцати, ежесекундно кивая, вдохновенно нес ему о засилье азеров в Одинцово. Игорь кивал в ответ, больше для непонятного приличия, чем реально слушая парня. А может, он прав? Может. А кто сейчас не прав в национальном вопросе?! Все.

«Десятка» засопела и уткнулась в чью-то огромную автомобильную спину. Игорь осмотрелся. Людей вокруг не было совсем. Только машины и улица. Точнее, переулок.

Кованая решетка перед огромным особняком вертелась и извивалась современными лилиями. Несомненно, это была поздняя осень. Да. Игорь это понял во сне очень четко. Ровное и холодное ноябрьское солнце работало лампой дневного света. Оттого переулок выглядел операционной. Мертвецкой. Ехать надоело, и он вышел из машины.

Слева и справа от монументального входа в здание, находящегося чуть в глубине от линии переулка, чернели рубцы обнаженной земли. Два симметричных палисадника даже по расположению грязных пятен полурастаявшего снега казались близнецами. И походили на две театральные сцены с задниками и кулисами в виде причудливо изогнутых окон и стен особняка.

Из грязноватого одеяла полузасохшей травы торчали серебристые, с чуть розовым оттенком, метелки мискантуса. Китайский камыш, как его обычно пренебрежительно называют. Эти злаки часто украшают клумбы в городах, давая даже поздней, уже почти безлиственной осени радость рыжего цвета. Рядом прямо на земле распластались лопухи бадана. Его мясистые зеленовато-бурые листья с трудом выкарабкивались из-под редких островков снега, создавая иллюзию альпийского пейзажа.

«Странно, — подумал во сне Игорь, — я никогда не знал слова „мискантус“, тем более „бадан“, а вот вижу эту капусту и точно знаю, что это все именно оно и есть».

Другие неведомые ему растения на этой клумбе уже превратились в сор и сено, и распознать, какие краски, какая жизнь бушевала тут летом, было уже сложно. На стене гирляндами уныло болтались лианы девичьего винограда. Выглядели жалко. Как остатки праздника, как забытые и истрепанные конфетти на новогодней елке, которую забыли убрать к концу января. Сходство с отслужившими свое елочными украшениями добавляли разбросанные по стене грозди винограда. Не доклеванные разжиревшими на людских помойках воробьями и галками.

Вообще, дикий, девичий виноград — это типично старомосковское, очень щемящее душу растение. В Москве он был всегда, его любили, им гордились. Он был как мандарины на Новый год в советское время. Экзотический, маняще-нездешний, но все равно привычный и родной. Эти лианы, эти струящиеся по стенам светло-коричневые змейки, отороченные яркой листвой, придавали любой загаженной развалюхе очертания рыцарского замка. И напоминали о детстве.

Стоп. Игорь внимательно посмотрел на особняк и палисадник. Господи, да он же прекрасно помнит этот дом, этот виноград на стене. Точно. Вот эти гнутые окна в стиле венского модерна, вот подъезд, стилизованный под барскую усадьбу. Квадратные каминные трубы на крыше.

«Сколько же лет назад это было? — изумился Игорь. — Никак не меньше сорока. В школу я уже ходил. Вот здесь за углом, направо, поднимается на косяг Петровка. Это моя дорога в школу». А если свернуть налево, а потом направо, то войдешь в переулок, в котором он прожил детство.

Еще больше поразило Игоря то, что он понимает, что он спит, что это сон. И поэтому беспокоиться не о чем. Странное, загадочное чувство. И он, понимая, что спит, начал вспоминать свою реальную жизнь. Или так казалось ему, что реальную, а на самом деле...

Он четко увидел тот вечер, много-много лет назад, отец принес с работы ежика. Настоящего, живого. В то время отец после истфака служил двухгодичником, командиром роты в Подмосковье, где-то неподалеку от Внуково. Солдаты поймали бедную животину, а дальше еж был реквизирован и доставлен Игорю. Это было счастье. Чудо. Как всякий приличный ребенок, после просмотра мультика про Малыша и Карлсона — он тогда только-только вышел — Игорь мечтал о собаке. Но собака в коммуналке с десятью комнатами и двадцатью двумя соседями как-то не приветствовалась. А тут еж! Даже лучше. Потому как ежа ни у кого во дворе не было. Даже друг Пашка расстроился — голубятня его отца, предмет Пашкиной гордости и зависти всех мальчишек на пять домов вокруг, как-то поблекла по сравнению с Игоревым ежом. Голубятни тогда были если не в каждом дворе, то две-три штуки на улицу точно. Обычное дело — запускать голубей в центре Москвы.

Ежу для жительствова был определен ящик из-под посылков. Кстати, почему-то пропали из обихода эти фанерные ящички. Раньше они были в каждой семье. Новому жильцу было торжественно налито в блюдечко молоко. И началась совместная с ежом жизнь.

Игорь во сне подумал, что художники, изображавшие ежей в советских мультиках мудрыми, работающими и дружелюбными созданиями, умышленно гадили в неокрепшие души наивных детей вроде него. Никакого отношения мульташный мудрый ежик к реальности не имеет! Его еж оказался довольно хамоватым созданием, отказывающимся не только носить на иголках яблоки, но даже есть их! Равно как и грибы, апельсины, картошку, мороженое. Колбаса докторская у него тоже не вызвала энтузиазма, но к ней он хотя бы принимался.

Короче, тот еж не жрал. Видимо, хоть как-то ему не давали умереть местные тараканы, которые в коммунальной квартире вольготно жили параллельной с остальными прописанными жильцами жизнью.

Как бы то ни было, еж озлобился до крайности. Выбирался из коробки, иногда даже норовил укусить, демонстрируя явное недовольство своим положением. А еще еж шумел. Это, конечно, надо слышать. Он храпел, сопел, сипел, кашлял, чихал, выл, сопровождая все это оглушительным топотом по комнате. Дня через три пребывания ежа в шестнадцатиметровой комнате взвыли уже родители. Но Игорек, воспитанный на рассказах Бианки, терпел и стоически демонстрировал любовь к собратьям по планете. Наконец, через недели

полторы еж разодрал в клочья упавшую с вешалки парадную фуражку отца, и его участь была решена.

Игорь плакал. Нет, это слабо сказано. Рыдал взахлеб. Отец взял ящичек с ежом, и они пошли именно сюда. Вот к этому дому с диким виноградом, который сейчас был перед ним. Тогда это было лето. И все пространство перед окнами особняка — тогда это было министерство какое-то, что ли, — густо заросло разными травами, кустами, цветами. Настолько, что, чтобы увидеть почву, нужно было долго раздвигать спутавшиеся растения. Отец перевернул коробку, и радостный еж шмыгнул во тьму этого крошечного рая. И исчез. Маленький Игорь долго смотрел и смотрел в зеленую кутерьму клумбы. Тишина. Отец потянул его за руку. Они вышли из двора.

— Понимаешь, здесь ему лучше, — сказал он, стараясь не смотреть в заплаканное лицо ребенка.

Игорь этого как раз не понимал. «Как же так?! Как же ему может быть лучше без меня?!» Он его любил, давал яблоки, мороженое и вообще. Да, он не ел, но, может, со временем все бы изменилось. И они бы подружились. И еж бы, смешно пыхтя, носил яблоки у себя на иголках.

Но отец был прав. Игорь это понял много позже. Есть существа, люди, ежи, да разные, которым действительно хорошо без него. Им просто так лучше. Это их жизнь, такая есть, сложная, неустроенная, но их. И ему не стоит влезать внутрь их бытия. А если уж так получилось, вовремя понять, остановиться и отойти в сторону. Выпустить. И всем будет хорошо. Наверное.

Он смотрел на жухлую паутину припорошенной травы и все ждал, что вот-вот зашуршит прелая листва и оттуда покажется хитрая мордочка того самого ежа. Да-да, именно того. Которого он выпустил здесь сорок лет назад.

Игорь вздрогнул и очнулся. Он валялся в кресле. На ногах укоризненно торчали нерасшнурованные кроссовки. За окном светилась фонарями ночь. Сон был настолько реальным, что первые мгновения он ничего не видел из-за заполонивших пространство взгляда слёз. Какая хрень!

Перед ним горел экран ноутбука. Он увидел вдруг Женино письмо, пришедшее еще утром. Ткнул. Письмо открылось. Там было написано: «„Несколько дней одного года“ роман». Игорь хмыкнул и в полудреме полистал текст, ничего не понял и выключил компьютер. Он разделся и уже всерьез залез под одеяло.

«А все-таки интересно, может, тот еж и правда жив, там, в том переулке... Или это сон? Да нет, был у меня еж. И выпускал его. Почему вспомнил? А вдруг и правда жив?! Мы бы встретились, он бы меня признал, поговорили... — Смешно, как ребенок, ну бред же! — говорил Игорь сам себе, — тот еж сдох через неделю после того, как ты сунул его в этот палисадник! Не живут они по сорок лет! В школе же биологию проходил. Фигня. Я же жив. И тот ежик будет жить, пока я жив».

Игорь улыбнулся и за мгновение до того, как рухнуть в тяжелое, пьяное небытие, успел подумать: «Надо прочитать роман» и «Какой странный сон».

ВТОРАЯ ГЛАВА

«Несколько дней одного года»

День первый

Край кирпича был как бы откушен, а по его черным заветренным деснам ползла божья коровка. Она ползла, ползла, ползла... На самом краю с треском расправила крылья и улетела. Я вздрогнул, и в мозг рухнул шум города. За ним — свет. Ворвавшись, звуки, вспышки заметались туда-сюда, пинг-понг, пинг-понг, заставив меня трясти головой, как бы отмахиваясь от назойливой мухи.

В выжженной проплешине травы, похожей на окруженную запекшейся кровью коленку ребенка, проехавшего ею по асфальту, дымились остатки костра.

Последние воспоминания вчера — сортир со старорежимной цепочкой, которую надо было дергать, дергать... Унитаз вырвало ржавой водой, он шумно и обреченно вдохнул воды еще и затих.

Попытка пошевелить плечами была зверски провалена. Тело ныло, зудело, в районе копчика вообще

что-то активно покалывало. Неужели прямо на улице срубился?! Ужас-то какой! Вчера же все нормально было, ну вроде же домой ехал, или еще пили чего-то...

Уличная кутерьма медленно, но целеустремленно заводила в голове большой адронный коллайдер.

Какой дурдом! Откуда в таком состоянии еще и мысли о каком-то дурацком коллайдере? Будь проклято информационное общество, где всю глупость, накопившуюся в тупых журналистских мозгах, ежедневно и ежечасно вываливают тебе на голову.

Вот прочитал же где-то про коллайдер, и что: до Страшного суда, который теперь уже точно неизбежен, я обязан хранить в голове сведения о какой-то идиотской установке?

Ох, а что если... а что если... все то, что мы пишем, творим, выдумываем, это и есть описание того самого неведомого Страшного суда?! Иначе зачем Господь дозволил, чтобы человек занимался такими глупостями? Ну нет логичного объяснения того, что люди веками всякую дурь сочиняют и сочиняют. А так — вроде делом заняты. Страшный суд прописывают. Типа, послушание такое. А потом, в час «X», согласно утвержденному протоколу... Жуть-то какая.

От криканий и переворачивания тела обильно выступили слезы. Так. Теперь надо сориентироваться. Эх, вот если бы сейчас раз — и у меня в руках очутился навигатор, который весной подарил Ольге. Вот потыкал пару кнопок и — бац, точно понял, где это я валяюсь.

Да, но если он у меня и был, этот чертов навигатор, все равно бы уже восемьсот раз потерял. Как бесконечные мобильники — какой у меня по счету? Восемнадцатый или девятнадцатый. Стоп, а сейчас?

Мобильника не было. Я осторожно осмотрелся. Передо мной по реке медленно полз, зарываясь носом, прогулочный пароходик «Москва». За гранитной облицовкой берега, на той стороне, торчал желтый карандаш Софийской церкви с ластиком-куполом наверху. Плечи подпирала огромная грязно-бурая стена. Внутри что-то охнуло. В подтверждение моих охов в воздухе ударил знакомый с детства перезвон на Спасской башне.

Кремль! В смысле, кремлевская стена. Подпорка моей сутулости — кремлевская стена. О господи!

Та-ак, надо сматываться, причем резко... Интересно все-таки, почему меня здесь до сих пор не свинтили? Как же ФСБ или как там ее, Федеральная служба охраны, что ли... Вот в стране бардак! А вдруг я террорист? Или, как его, борец за независимость Западной Сахары. Надо валить, валить. Пока тут...

На набережной было на удивление мало машин. Метрах в ста пятидесяти, левее, чуть тормознув на остановке, лениво охнул троллейбус.

Ага, точно, 16-й... сейчас на него, он вроде до Садового кольца идет или... Да куда-то же он идет. Да без разницы!

Кое-как запихнув в карман валявшуюся у костра пачку сигарет, поковылял к дороге. У остановки послед-

ний раз обернулся. Кострище уже скрыла трава, только дохловато-рваный дымок у стены обозначал мое ночное присутствие.

Уже на ступеньках троллейбуса я понял, что денег-то нет. Даже мелочи. А ведь были же, были — и рубли, и евро. Пьянь!

Но у самого прохода в салон вдруг радостно заметил, что нет дурацкого табулятора. Или не табулятора. Или валидатора. Ну как эта дурь называется, с рычагом для прохода. Хоть в этом повезло. Можно не платить. И не собачиться с водилой. Наверное, сломался, как обычно, и не заменили. Но все равно, как же я без денег-то, кусок дебила... И мобильник тоже, видимо, тью-тью... Ладно, выскочу отсюда, а там где-нибудь тачку поймаю, дома-то деньги есть. Вроде.

Пара сосисок, нет, пожалуй, сарделек длинного троллейбуса, задрожали, закричали, вздрогнули, прогнулись посередине и поволоклись вперед.

Народа в салоне было мало. Можно сказать, почти не было. Какой-то дедок в блестящем от ветхости пинжаке — именно пинжаке, а не пиджаке, — переплетая сизые вены рук на выставленной перед ним клюке, безучастно смотрел в окно. Сзади маячил кто-то еще, вроде женского пола. И все. Я упал где-то перед дедом и бессмысленно похлопывал глазами в такт мелькающим в окне деревьям.

Значит так, нажрался. Опять. Но как сюда-то? А менты... Ага. Не помню. Ну и ладно. И где же все-таки был? Девки какие-то, музыка... Ай, да ладно. От-

валяюсь, потом само вспомнится. Или позвонит кто, расскажет. Как пить-то хочется. Ольга. Что Ольга? Может, звонил ей опять неменяемый? Может. А может, и нет. Все-таки я дебил, дебил, дебил! Трижды. Тебе все давно и внятно объяснили. Если что и было, то прошло.

«Было, было, было, и прошло, и прошло...»

Что за дурацкая мелодия?!

«...И прошло, и прошло...»

Глаза, до этого лишь регистрировавшие бессмысленность происходящего за окошком, вдруг замерли. Я очнулся. Привычный контур пейзажа был сломан. Но сломан странно. Вроде бы чего-то явно не хватало, но, в то же самое время, все как раз было на месте. Тряхнул головой.

Что же не так? Ну явно же. Но что? В груди, чуть правее сердца, отвратительно быстро что-то завертелось. И пополз страх. И с диким равнодушием ужаса я понял. Храма Христа Спасителя не было. Совсем. На его месте над огромным пространством бассейна «Москва» играла музыка.

«Как провозжают пароходы... Совсем не так, как поезда...»

Я смотрел еще и еще, зачем-то оглядываясь на старика и возрастную девку на дальнем сиденье, словно сравнивая наличие их, живых людей, и отсутствие Храма Христа Спасителя.

«Морские медленные воды... Не то, что рельсы в два ряда... Вода, вода, кругом вода...»

Сквозь открытое окошко троллейбуса музыка звучала ярко. И на утреннем солнце даже как-то выпукло. Как будто пыталась доказать мне реальность происходящего вокруг кошмара. А что это кошмар, я уже не сомневался.

Троллейбус повернул, поднимаясь в горку к Кропоткинской. Я уже увидел, чуть сверху, иссиня-прозрачное небо, отраженное в громадной чаше бассейна, купающихся людей в красных, зеленых, желтых шапочках, гирлянды белых пенопластовых поплавков, по школьному разлиновывающих воду на сектора. Утренний свет, соприкасаясь со светло-салатовым кафелем бортиков, ударял в глаза серебристой четкостью картинки. Я смотрел на улыбающиеся головы, руки, много рук, беззвучно сверкающих во взмахах и гребках. Временами казалось, что даже слышу смех, да-да, их смех, этих людей! Или нелюдей.

Троллейбус затормозил. Я выпрыгнул прочь. Мысли растягивались, не поспевая за телом, и когда, наконец спрятавшись за киоском, я тормознул, они догнали голову и шумно, как резинка, хлопнули. Втянув голову в плечи, я медленно закрыл глаза, подождал и так же осторожно открыл их.

Утренний бульвар был распахнут настежь. Единственная аллея светилась пустотой. Из-за поворота, метров через сто после арки метро, где Гоголевский бульвар изгибается вправо, показалась женщина, за ней скакала маленькая девочка в панамке. Женщина остановилась, обернулась и, видимо, что-то сказала ре-

бенку. Потому что девочка заревела, протянула матери ручонку, а другой стала возюкать по лицу. Я слышал ее плач. Слышал!

Ничего не понимаю. Похмелье такое? Или я сплю еще? Так ведь бывает, бывает. Казалось, сердце трепыхается везде — в голове, ребрах, коленях, пальцах ног и даже в набухшем от жажды языке.

Этот набитый журналами и газетами киоск-ветеран сейчас был для меня норой, бойницей, спасительной дверью, спрятавшись за которую я пытался разглядеть этот неведомый страшный и неожиданный мир. Я вжался щекой в его облупившийся красный каркас и не дыша, словно боясь что-то потревожить, смотрел на болтающиеся туда-сюда двери станции метро.

Наконец оттуда вышел мужчина лет тридцати пяти, остановился, достал синюю пачку «Космоса», спички, прикурил, бросил пустую пачку в урну, постоял, а затем прошел мимо меня к ряду автоматов с газированной водой. Только сейчас я заметил справа от себя автоматы с водой — штук десять в ряд. Человек подошел, кинул монетку в щель. Автомат заурчал и выплюнул газировку в стакан. Черт, как же хочется пить!

Вдруг я увидел себя как бы со стороны, точнее, сверху, почти топографически четко: рядом с полудугой вестибюля метро, на самом краешке бульварного изгиба, прижавшись лицом к киоску, дрожит человек и боится сделать шаг.

Мужик отстраненно посмотрел на небо, затем на шипящий стакан воды, выпил, как-то внутренне улыб-

нулся. Глаза его чуть заискрились, и он, шумно охнув, опять поставил стакан и еще раз бросил монетку. И снова выпил. Облизнув треснувшие губы, не ведая, что творю, я оторвался от киоска и, пошатываясь, приблизился к нему. Мелькнув взглядом, человек поставил стакан, кинул копейку и протянул мне газировку. Я шумно глотнул. Он налил еще. Я опять проглотил. Шипучка шмякнула в голову. Некоторое время мы стояли молча. Потом я спросил:

— Какой сегодня день?

Парень опять внимательно, но с усмешкой, пробежал по моему лицу.

— Да суббота!

Точно. Нажрался-то я вчера, в пятницу.

— А число?

— С утра было девятнадцатое. Мая. Вчера получка была. Раньше дали, двадцатое-то воскресенье. Похмеляться будем? А то ты так и год спрашивать начнешь! Виталик, — мужик, смеясь, протянул руку.

Я аккуратно ее пожал. Его ладонь была чуть влажная, наверное, от стакана с газировкой. Именно эта влажность заставила меня поверить, что передо мной живой человек. И все это — не галлюцинация.

Виталик уже толкал меня к переходу около булочной на углу.

— Да ерунда, что у тебя денег нету: я же по лицу вижу — свой человек. И плохо ему. Надо поправить! Я вчера тоже дал шороху! Сейчас придумаем. До одиннадцати еще околеть можно. Надо к Люське, на Зубов-

скую, в угловой гастроном. У нее портвейн по трешке должен быть! Пешком? Или на пятнадцатом три оставки? Пешком! А то ждать...

Я поднимался по залитой солнцем Кропоткинской улице. Справа черной кляксой проступала на желтой стене дома вывеска «Советский комитет защиты мира». Все правильно. Дальше должна быть школа. Потом что-то вроде простенькой кафешки, а напротив, точно, м-м... Ленинский райком партии, что ли. Ну да. Вот и он. С мемориальной доской Денису Давыдову. Все как было во времена моей юности. Чушь какая-то. Я что, спьяну переместился в прошлое, что ли?! И как вы все это представляете?! Так, так... Что так? Бред! Но бассейн «Москва», газировка на Кропотке, булочная на углу.

— Что-то ты совсем плох! — забеспокоился Виталик. — Ладно, садись вон на лавочку у «Молока», я один быстрее смотаюсь.

Я устало бухнулся на лавку возле молочного магазина. Здесь около клумбы был тенок. Что же происходит? Если я здесь, а кто тогда там? Стоп, а я же должен быть и здесь. Ну да. Вот бредятина. Надо же, допился. Есть же какой-то рассказ Брэдбери или Гаррисона про путешествие во времени. Типа, ни под каким видом нельзя встречаться с самим собой. Иначе аннигилируешься. Я не выдержал и хрюкнул. Ага! На лавке напротив валялась газета. Встал, посмотрел. Это была «Вечерняя Москва». За 18 мая 1979 года.

— Вот, вот он я! — замахал рукой издалека запыхавшийся Виталик. — Люськи не было. Пришлось идти

в подвал к Славке. И переплатить полтинничек, по три пятьдесят вышло. Это ж на целый рупь дороже! Это ж за две — семь рупчиков, а после одиннадцати мы бы почти три купили, по два сорок две-то! Если бы ты тут не умирал, хрен бы я у него чё купил. Еще бы и в морду сунул. За хамство. Это же надо, со своих брать! Жлобяра! Но стакан дал. И закуску.

Отступив чуть вглубь Кропоткинской улицы, мы уселись на скамейку со столиком. Друг против друга. Врытые по бокам железные балки обильно обвивала буйная чепухень, создавая иллюзию беседки. Убежища.

— Ну, поехали! — Виталик плесканул три четверти стакана густо-сизой жидкости под названием «Портвейн ереванский».

Портвейн был настоящий. За это я могу поручиться. Не знаю, как там скачки во времени или глючные сны, но портвейн был настоящим! И плавленый сырок с перчиком на этикетке тоже.

Винище обильно разливалось по организму, грубовато, но приятно лапая внутренности. Что же со мной происходит?! Вот сижу на лавочке на Кропоткинской улице, жру портвейн с каким-то Виталиком, а вокруг живет, прыгает воробьями, шуршит шинами «Волг», дразнит резко-тягучим запахом портвейна 1979 год, что ли? Моя юность? Я же школу закончил в семьдесят девятом году. Точно! Так... Если сейчас 19 мая, где я должен быть? Фу... Надо же так допить! Какой я? А такой. Некий мальчик «Я» должен, по идее, быть в школе. Если сесть отсюда на 15-й троллейбус в сто-

рону Пушкинской, то через десять минут он привезет меня к школе, где я маленький пишу какое-нибудь дурацкое сочинение. Или... А мы учились тогда по субботам? Не помню. Ка-ка-я хрень!

Я опустил руку под стол, достал бутылку и плесканул в стакан еще.

— Во... — оскалился Виталик, — оживаешь, сам в стакан попадать стал...

— Сигареты есть? — я выдохнул портвейновую вонь. Хотя нет, не вонь. Вкусный портвейн-то. Даже чуть с вишневым привкусом, напоминает французские наливки, на днях принимал, по восемьсот с чем-то... На днях! В каком году? Вот ужас-то! Где же я есть? Тут, в семьдесят девятом, жру портвейн или там, у себя, французскую отраву глотаю? Глотал, в смысле. Как глотал? Получается, наоборот, я не глотал эти наливки пару дней назад, а еще буду их глотать через ...надцать лет, что ли?!

— Вот с сигаретами бэ-дэ, — Виталик виновато полез в карман, — киоск закрыт, пришлось в «Союзпечати» брать это говно кубинское. С витрины прям.

Он достал сине-бело-золотистую пачку Ligeros с криво наклеенной белой бумажкой, на которой слабо проступали выцветшие чернила «20 коп.». Я сунул в рот сигарету и ощутил на губах знакомый сладковатый вкус кубинской бумаги из сахарного тростника. Точно!

Вот тут-то я вздрогнул и начал верить в реальность невообразимого! А... Несись все конем! 1979 год? Да

и хрен с ним! Как попал? Да не знаю. Тогда и не вякай, принимай все как есть. А могли бы и динозаврам кинуть. Там бы ты не жрал портвейн с Виталиком, а, наложив в штаны, скулил от страха где-нибудь под дрововидным папоротником.

— Ну совсем оживаешь! — засуетился радостно Виталик. — Я тоже! Вторая пошла?

Я кивнул. Он деловито начал откупоривать вторую.

— Дело есть! — разливал он «Ереванский». — У меня брательник в Апрелевке работает на «Мелодии». Приволок Пугачиху, альбом последний, двойной, десять штук. «Зеркало души». Мне насрать на нее, как понимаешь! Я «Папл» люблю, но по пятнашке, а то и по двадцатке улетает, прикинь! Надо скинуть. У «Мелодии» на Калининском... Поможешь? Половину брательнику, половину нам, а, Сидор?

— Я не Сидор!

— Да какая разница: главное, человек хороший! Сейчас добиваем, я домой заскочу, я тут рядом, в Коробейниках, живу. И вперед!

Портвейн веселился в голове.

Главное, не ляпнуть, что я как бы не отсюда.

Что будет «а то...», я старался не думать. Будь что будет, да и хрен с ним. Интересно, а меня «там», ну, в моей жизни, уже хватились? Блин, «моей жизни»! А это тогда что?! Не моя?! Не... Лучше не думать об этом. Хотя бы пока.

Виталик мухой сбегал домой за дисками, и вскоре мы шагали арбатскими переулками напрямик к Кали-

нинскому проспекту. Я поймал себя на мысли, что прекрасно знаю дорогу, где срезать, где через проходняк проскочить, а ведь у себя, там, ох, не знаю. Сейчас же все перегородили, везде заборы с охранниками ублюдочными, проходные подьезды из-за жулья и террористов заколотили напрочь. Козлы.

Утренняя субботняя Москва была просторна и наивна. Казалось, что этот город семьдесят девятого года — еще девушка. Это лет через двадцать пять она упадет в глухой и кромешный блуд, продавая свое тело оборотистому хамлу и прочему хламу, для которых слово «Москва» — это только фантастический по доходности рынок недвижимости и рекламы. А пока все было светло и чисто. И вывески на магазинах были какие-то человеческие — «Хлеб», «Молоко», «Продукты».

Справа уже нарисовался Новоарбатский гастроном, обязательно зайду потом, там в те годы продавали вкуснейший кипрский мускат «Лоел». Деньги на Пугачихе сделаем и хряпнем мускатика!

На противоположной стороне Калининского проспекта я уже заметил задумчивых особ, уныло, но со значением переминавшихся с ноги на ногу у магазина «Мелодия».

Увидев меня, унылая особа у магазина оживилась, смотря откровенно в противоположную сторону, как бы невзначай заметила:

— Что есть? У меня флоид, дак сайд, юговский, недорого отдам, и бони эм, свежак, полидор, родной, шестьдесят, найтфлайт, новье.